

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 16, Is. 4, pp. 258–282, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.16.258
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 93/94

Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR

Artyom Y. Peretyatko

Children's Creativity Center of the Railway District of Rostov-on-Don, Russia
10, Vereschagina Street, Rostov-on-Don, 344101
PhD (History)
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

The article considers the history of the transmission of the western districts of the Don Cossack Oblast to the UkSSR in the 1920s. On the basis of numerous testimonies of contemporaries, as well as literature on the peasant colonization of the Don region, the author concludes that in these territories from the 18th century Little Russian population prevailed. Little Russians were largely assimilated, and the term "Little Russian" has come to mean not only the ethnonym, but an estate accessory to the indigenous peasantry, including the Great Russian. The article analyzes those aspects of Russian-Ukrainian relations in the Don region, which were more general, in particular, about the reasons of a more positive attitude Cossacks to Little Russians, than the Great Russians. The results of the study are the findings that the Don Host Oblast was characterized by the confusion of ethnic and estate markers and that aggravation of interethnic relations in the Don region occurred only in 1870. The territory of the western districts was mastered in the previous period under the close cooperation of the Cossacks and the Ukrainians. The author argues that historically undisputed border between Russia and Ukraine in the former territory of the Don Host Oblast is impossible in principle.

Keywords: Cossack nationalism, Cossacks, Don Host Oblast, Donetsk District, ethnic relations, Little Russians, Miussky District, Russian, Taganrog District.

Введение

Оценка значения исторических событий порой зависит не только от них самих, но и от дальнейшего хода истории. Факты, казавшиеся достоянием учебников и архивов, могут неожиданно приобрести новую актуальность, в том числе и политическую, стать ценным уроком или предостережением на будущее. Могут существенно измениться и их оценки. Так, передача УССР бывших западных территорий Области Войска Донского (далее – ОВД) (до 1870 г. – Земли Войска Донского (далее – ЗВД)) с распадом Советского Союза и в условиях возрождения казачества стала рассматриваться некоторыми авторами как акт антиказачьей направленности. В частности, Р.Г. Тикиджьян позиционировал это событие как

«искусственное расчленение» казачьих земель [1]. В настоящее время, в условиях конфликта на востоке Украины, вопрос об исторической принадлежности бывших территорий ОВД приобретает особую актуальность. Документы, связанные с передачей части земель Донецкого, Черкасского и Таганрогского округов в состав УССР в настоящее время уже опубликованы [2–4], а сам процесс этой передачи проанализирован Е.Ф. Кринко [5]. Однако относительно малоисследованной остается предыстория этих событий, процесс формирования на территории казачьих земель района с преобладанием украинского населения. Наша статья представляет собой попытку заполнить данную лауну путем анализа русско-украинских отношений на территории ОВД. Кем были малороссы на Дону – пришельцами или коренными жителями, как утверждали сторонники передачи донских земель Украине [6]? Почему казаки, по свидетельству современников, хуже относились к пришельцам из великорусских губерний, чем к крестьянам-малороссам¹ [7]? Наконец, насколько передача донских земель в состав УССР была оправдана историческими и этнографическими факторами?

Материалы и методы

Изучение демографии и этнографии ОВД XIX в. существенно осложнено крайней неточностью донской статистики. Проводившиеся разными организациями подсчеты давали на выходе для одних и тех же округов разницу в десятки процентов (например, по данным 10-й ревизии в Миусском округе в 1858 г. проживало 583 помещика [8], по информации Донского статистического комитета, в 1870 г. их количество равнялось всего 84 [9], а донская перепись 1873 г. в одной Новониколаевской станице выявила 190 помещиков [10]). Войсковые власти прямо указывали на неточность статистики, порой расходящейся с наблюдениями очевидцев [11]. Кроме того, в регионе не проводилось переписей, в которых бы напрямую указывалась национальность. В частности, в опросный лист первой всероссийской переписи 1897 г. был включен вопрос о родном языке, но не национальной принадлежности [12]. Поэтому при оценке численного соотношения великороссов и малороссов ОВД мы будем вынуждены в основном опираться на свидетельства современников. Информация на этот счет содержится во многих книгах дореволюционных авторов, лично наблюдавших ситуацию в донских станицах и волостях [13–16].

Трудно переоценить значение данных работ и для характеристики межэтнических отношений на Дону. Дело в том, что в станицах зачастую скрывали нарушения имперского законодательства, а местные власти сквозь пальцы смотрели на подобные прегрешения [17]. Поскольку при межэтнических контактах, как мы покажем ниже, имперское законодательство регулярно нарушалось, официальные документы могут использоваться для их характеристики в достаточно ограниченной степени. Поэтому, эпизодически используя архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО) и Российском государственном военно-историческом архиве (далее – РГВИА), в большей степени мы будем опираться на периодическую и непериодическую печать, в том случае, если ее данные подтверждаются независимыми друг от друга источниками.

Что касается современной литературы, то, поскольку большую часть малороссов составляли крестьяне, переселившиеся и переселенные на территорию ЗВД до 1861 г., отдельно следует упомянуть монографию И.А. Ревина, хотя она посвящена межсословным, а не межэтническим проблемам [18]. Мы использовали работы и других авторов, содержащие ценный фактический и концептуальный материал по истории ОВД, прежде всего А.А. Волвенко [19–21] и Б.С. Корниенко [22].

Чтобы на основе этих разнородных источников в общих чертах воссоздать картину русско-украинских отношений на территории ОВД, мы применяли историко-системный, историко-сравнительный и историко-генетический методы. При этом особое внимание мы

¹ Имеет смысл сразу обговорить то, что мы используем этнонимы *украинец/малоросс* и *русский/великоросс* в соответствии с их употреблением в официальных документах и свидетельствах современников. Если первые два понятия для Дона XIX в. были в общем синонимичны, то термины *великоросс* и *русский*, как мы покажем ниже, могли нести различный смысл.

уделяли последовательному применению принципа историзма, поскольку и русско-украинские взаимоотношения на Дону, и тот контекст, в котором они существовали, достаточно динамично менялись.

Обсуждение и результаты

Западные округа ОВД представляли собой совершенно особое территориальное образование, исторически, экономически, демографически и социально отличавшееся от основного ядра казачьих земель. Хотя в XVIII в. эти земли были переданы Войску Донскому, донские казаки не составляли там сколько-либо сплошного населения. Так, первая станица на территории Миусского округа была основана только в 1849 г. [23]. Обширные необрабатываемые участки на западе были переданы донской старшине в конце XVIII в., и начиная с периода 1782–1795 гг. шел активный процесс привлечения малороссов для сельскохозяйственного освоения этих земель [24]. Мы не будем подробно останавливаться на истории донского крестьянства, детально изложенной в монографии И.А. Ревина [25], однако обратим внимание на несколько сюжетов, принципиально значимых для понимания интересующей нас темы.

Во-первых, западные территории ОВД до XVIII в. тяготели не к донскому, но к запорожскому казачеству. С данным фактом соглашались даже явно политически ангажированные казачьи авторы [26]. После передачи этих территорий Донскому войску малороссийское население не только не ушло, но и постепенно увеличивало свою численность. Так, первая перепись «малороссийских черкас» на Дону, проведенная в 1763 г., определила их количество в 20 422 человека [27]. Уже А.А. Карасев отмечал, что из этой цифры следует: приход малороссов на Дон начался задолго до 1760-х гг., причем, по свидетельствам современников, в их числе были как потомки местных запорожских казаков, так и выходцы с других запорожских территорий, и беглые крестьяне-малороссы [28]. Во-вторых, войсковое начальство в течение длительного времени только приветствовало привлечение старшиной малороссов, поскольку они заселяли неосвоенные земли на западе ЗВД, что способствовало улучшению дорог, облегчению повинностей и развитию сельского хозяйства [29]. В-третьих, И.А. Ревиным был предложен термин «агроколонизация» для характеристики того процесса, в ходе которого малороссы привлекались на Дон. По мнению современного исследователя, классическая колонизация подразумевает под собой «освоение свободных земель и культурную экспансию на местное население, находящееся на более низкой стадии развития общества». Обычно обе эти функции выполняет одна социальная группа, однако на Дону произошло разделение ролей: донское казачество, ликвидировав угрозу набегов на переданные ему земли, не смогло хозяйственно освоить освободившиеся территории и начало привлечение для этого этнически родственных малороссов и, в меньшей степени, великороссов [30]. Таким образом, донское казачество выступало в качестве собственника земель, а главную роль в их хозяйственном освоении играли малороссы.

Но, возможно, наиболее любопытный сюжет связан с возникшей путаницей сословных и этнических маркеров. Хотя в 1750-е гг. донская старшина предпринимала попытки покупать крестьян-великороссов [31], при переписи 1763 г. они были отнесены к «малороссийским черкасам» [32]. И в дальнейшем в ходе крестьянских ревизий термины «малоросс/малороссийский черкас» и «крестьянин» рассматривались как синонимичные [33]. По мнению Н.И. Краснова, причиной подобного смешения этнических и сословных маркеров стало как численное преобладание крестьян-малороссов, так и официальные документы, в которых «малороссами» в течение длительного периода называли всех приходящих на Дон неказаков [34]. Фактически это было не вполне верно, поскольку, по свидетельству А.А. Карасева, существовала и небольшая группа крестьян великорусского происхождения, не ассимилированная вплоть до отмены крепостного права (он лично наблюдал их и отмечал отличия даже во внешнем виде домов) [35]. Тем не менее у некоторых позднейших авторов данная ошибка создала впечатление, что все крестьянское население Дона в дореформенный период было малороссийским либо было ассимилировано малороссами. Подобной позиции придерживался, в частности, Е.П. Савельев [36]. В действительности великорусское меньшинство существовало, но

этноним «малоросс» в качестве сословного обозначения применялся и к малороссийским, и к великорусским крестьянам.

Любопытно отметить, что, по мнению И.А. Ревина, в XVIII в. большее значение имела именно этническая маркировка *казак – малороссиянин*, а в XIX в., с закрепощением донских крестьян, большую роль начала играть маркировка сословная, *казак – крестьянин* [37]. До начала XIX в. процесс ассимиляции малороссиян казаками шел достаточно активно. Крестьяне часто приглашались казаками в качестве крестных [38], а также просто принимались в казачье сословие [39]. Донские крестьяне-малороссы были разделены на две категории: крестьяне помещичьи, принадлежащие старшине и часто изолированные от казачьих поселений, и крестьяне станичные, приписанные к казачьим станицам. Последние ассимилировались значительно быстрее, и уже к 1811 г. большая их часть была включена в казачье сословие (остальные по решению станиц были переданы донским помещикам) [40].

Итак, район с преобладанием малороссийского населения сложился на западных территориях Донского войска еще в XVIII в. Хотя значительная часть малороссов была привлечена в эти земли донской старшиной из сопредельных губерний, в определенном смысле пришельцы были наследниками запорожских казаков, исторически претендовавших на данные территории. В свою очередь, донские станицы в этих местах отсутствовали, и малороссийское население не конкурировало из-за земли с донским казачеством. Впрочем, даже те малороссы, которые прошли дальше на восток и были приписаны к казачьим станицам, сами по себе не вызывали у казаков негативной реакции. Та часть малороссийского населения, которая контактировала с казаками, успешно ассимилировалась последними.

Не следует считать, что отношения казаков и малороссиян до начала XIX в. были безоблачными, однако конфликты носили ситуационный характер и были спровоцированы действиями старшины. Например, в 1795–1796 гг. крестьяне хутора Высокая Дубровка захватили земли Филоновской и Березовской станиц, причем благодаря связям их покровителя, подполковника С. Курнакова, все жалобы казаков были проигнорированы [41]. Однако важно отметить, что само поселение малороссиян на формально принадлежащих станицам землях было встречено казаками равнодушно, и жалобы начались только после того, как начался захват используемых ими угодий [42]. Число подобных злоупотреблений, когда донские помещики захватывали станичные земли, поселяя на них своих крестьян, было достаточным, чтобы обратить на себя внимание войсковой администрации.

В результате этого в 1802 г. канцелярией Войска Донского был подготовлен рапорт «по вопросу о малороссиянах, людях другого звания и крестьянах, поселенных на войсковых землях». На этом документе есть смысл остановиться более подробно, поскольку в нем отражены некоторые важные представления казаков о малороссийском населении и донской земле, не утратившие актуальности и в дальнейшем. Прежде всего, в нем игнорировалось существование исторических запорожских поселений на западе региона, и утверждалось, что малороссияне являются пришлым элементом, хотя и издавна принимавшимся и поселявшимся на Дону [43]. Но при этом всячески подчеркивалось, что малороссийское население не только полезно, но и необходимо казакам, например, потому что в случае ухода взрослых мужчин в поход казачьи хозяйства сохраняют экономическую устойчивость только благодаря найму малороссиян [44]. В то же время указывалось, что, вопреки мнению некоторых лиц, малороссийские поселенцы не имеют права даже на ту землю, на которой стоят их дома и церкви: вся донская земля принадлежит казакам, войску или станицам, а крестьяне только допускаются на нее, если их пребывание выгодно войску [45]. Наконец, в этом документе была озвучена мысль о том, что казачество не может быть сколько-либо открытым сословием. С 1774 по 1802 гг. в состав войска было включено 4453 пришельца, которые показали Войсковой канцелярии годными к казачьей службе. Однако на практике они плохо проявили себя в ходе военных действий, допуская различные провинности, вплоть до дерзостности. Это привело к формулированию идеи, в дальнейшем ставшей весьма популярной у многих донских авторов: в соответствии с ней особые способности казаков к военной службе передавались по наследству, и любые инородные элементы подобными способностями не обладали [46].

В результате утверждения подобных представлений в Войсковой канцелярии, а также распространения на Дон крепостного права, социальный статус крестьян-малороссов начал снижаться. И.А. Ревин отмечает, что если этническая разни́ца между казаками и крестьянами не мешала возникновению между ними родственных связей, то усиление сословных различий оказалось существенным препятствием для заключения браков. Соответственно, по мере того как на смену этнической оппозиции *казак – малоросс* приходила оппозиция сословная, *казак – крестьянин*, число новых межэтнических родственных связей постепенно уменьшалось, особенно резко сократившись после принятия Положения 1835 г. [47]. В то же время с 1802 г. было разрешено полное выселение крестьян со станичных юртов на свободные земли, если казаки сталкивались с проблемой малоземелья, с целью ликвидировать описанные выше конфликты с крестьянами [48]. Однако серьезного эффекта данное решение не принесло: количество конфликтов между казаками и крестьянами только возрастало [49]. Главной их причиной было то, что зачастую крестьяне имели существенно большие наделы, чем казаки, а попытки сокращения их участков блокировались помещиками [50]. С целью исправления данной ситуации при принятии Положения 1835 г. было предусмотрено, что выселению подлежат все крестьяне, живущие в пределах юртов [51].

Но в полной мере достичь своей цели и разделить казачье и крестьянское население властям не удалось. Обратимся к некоторым наблюдениям А.А. Карасева, крайне значимым для понимания того, как выглядела жизнь донских крестьян-малороссов в период перед отменой крепостного права. В своих предыдущих работах мы отмечали, что в XIX в. многие правительственные решения на практике сильно корректировались в соответствии с обычаями и мнениями местных чиновников [52]. Поскольку во многих станицах серьезных конфликтов с крестьянами не было, а помещики не хотели оставлять обработанные земли, выселение крестьян с юртов растянулось на десятилетия [53], и нет ничего удивительного, что задерживались главным образом те крестьяне, которые успели сродниться с казачьей средой, вступили с казаками в родственные и дружеские связи [54]. Как отмечал А.А. Карасев, в результате крепостное право среди крестьян казачьего ядра донских земель оказалось ограничено местными обычаями, и как казаки, так и помещики этих мест выступали против унижения крепостных [55]. Несмотря на понижение статуса крестьян и закрытие для них формального вступления в казачье сословие, та их часть, которая сумела остаться на казачьих землях, перенимала местные обычаи, вступала в родственные связи с казаками, хотя и реже, чем в более ранние годы, и продолжала ассимилироваться. Более того, вопреки имперскому законодательству, отдельным крестьянам удавалось вступать в казачье сословие, пользуясь хорошим отношением к ним станичных органов власти [56].

Тем не менее с 1840-х гг. процесс переселения все-таки начался, причем переселялись крестьяне в основном в Миусский и Донецкий округа, в свободные от станиц земли, где и так было сконцентрировано большинство помещичьих имений [57]. На середину XIX в. в Миусском округе (площадь 11 382 кв. версты) была всего одна казачья станица, а в Донецком (площадь 17 484 кв. версты) – семь. Для сравнения, в Первом Донском округе (площадь 12 210 кв. верст) насчитывалось 19 станиц, а в Хоперском (площадь 15 872 кв. версты) – 25 [58]. Вследствие многочисленности помещичьих крестьян, к началу 1860-х гг. над этими территориями уже нависла угроза малоземелья [59], что, в свою очередь, сделало невозможным создание новых казачьих станиц.

Как мы видим, в течение 1800–1860-х гг. войсковые власти проводили все более и более жесткую политику разделения казаков и крестьян: от переселения малороссов с юртовых земель на любые свободные в случае конфликта они постепенно перешли к требованиям об обязательном выселении крестьян с юртовых участков главным образом в западные округа. Не только не предпринималось никаких мер по расселению стихийно сложившегося района с преобладанием малороссийского населения, но и, напротив, на его территорию перемещались крестьяне-малороссы из других округов. При этом полностью игнорировалось как то, что ассимиляция малороссиян даже без принятия их в войсковое сословие в это время была весьма успешна, так и то, что конфликты между казаками и малороссиянами носили главным образом ситуационный характер и их было возможно решить менее радикальными мерами. В результате было окончательно закреплено четкое разделение ЗВД на две части: основное ядро казачьих земель и районы со сплошным

крестьянским/малороссийским населением (фактически существовала еще третья часть, которую составляли калмыцкие кочевья). Сложившаяся ситуация имела плюсы не только для войсковых властей, но и для казаков. Для казачьих помещиков наиболее выгодными были три фактора: во-первых, в условиях отсутствия железных дорог Миусский округ больше всего подходил для производства товарного зерна в силу близости к таганрогскому порту [60], во-вторых, на западе области находились самые плодородные земли [61], а в-третьих, крестьяне этих районов не могли вступить в казацкое сословие, используя хорошие отношения со станичными чиновниками [62]. Для рядовых казаков принципиально значимым стало сокращение числа конфликтов с крестьянами. Чтобы понять степень концентрации крестьян и помещиков в западных округах, приведем несколько графиков (рис. 1–3).

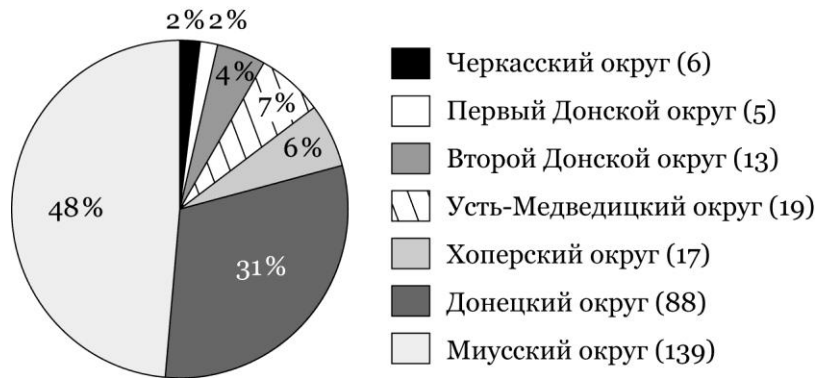

Рис. 1. Распределение по территории ЗВД крупных помещичьих хозяйств (более 100 крестьян) по данным 10-й ревизии [63]

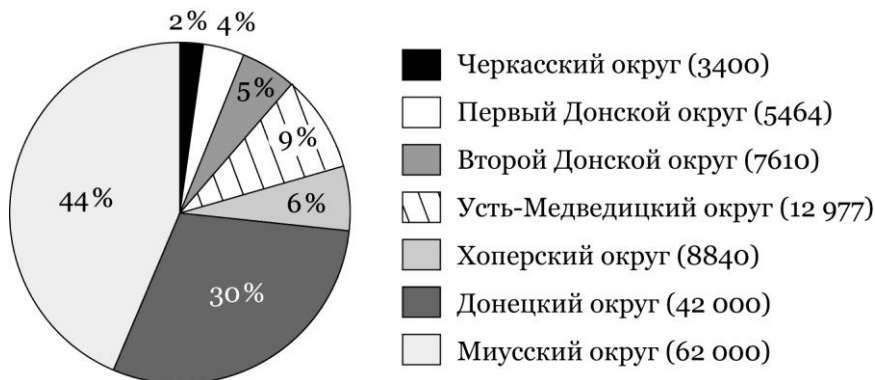

Рис. 2. Распределение по территории ЗВД крестьян по данным 10-й ревизии [64]

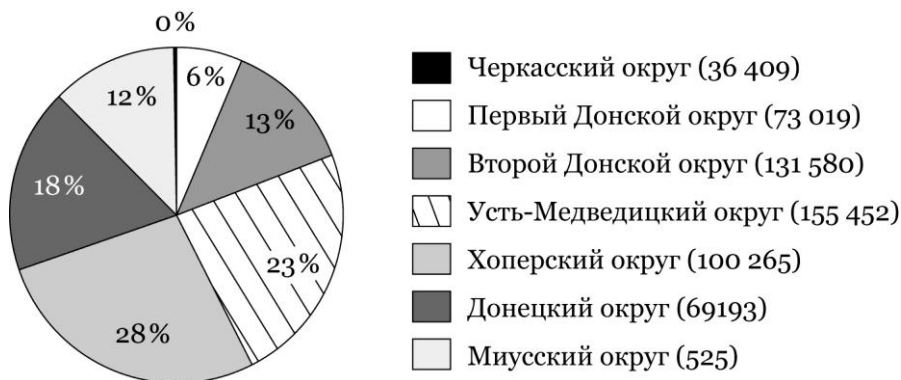

Рис. 3. Распределение по территории ЗВД казаков по данным отчета войскового атамана за 1859 г. [65]

Оговоримся, что приведенные цифры не представляются нам точными, по причинам, указанным в начале статьи. Те данные по численности населения, которые мы будем приводить ниже, также являются только ориентировочными. Тем не менее сам факт абсолютного преобладания крестьян-малороссов над казаками в Миусском и некоторых районах Донецкого округов получил отражение и у Н.И. Краснова, и у С.Ф. Номикосова, и у Е.П. Савельева, и в многочисленных данных переписей и ревизий. Поэтому, признавая неточность отдельных цифр, мы считаем данные графики, как и те, что будут приведены ниже, в целом достаточно репрезентативными.

В течение XIX в. продолжал действовать и один из тех факторов, которые изначально привели к складыванию территории со сплошным малороссийским населением на западе Войска Донского: географическая близость западных округов к Малороссии не утрачивала своей актуальности. Хотя в 1816 г. донским дворянам было запрещено покупать крепостных крестьян для переселения их в пределы ЗВД [66], в 1835 г. данное запрещение было снято [67]. Крепостных на донские ярмарки привозили и из достаточно отдаленных регионов (Е.П. Савельев упоминает даже «невольников из Азии»), но основной их приток шел из ближайших губерний [68]. Таким образом, главным источником для внешнего пополнения крестьянства Миусского и Донецкого округов были Харьковская и Екатеринославская губернии, где преобладало малороссийское население. Важно отметить, что эти две губернии входили в число наиболее плотно населенных территорий, граничивших с Донским войском [69], что, разумеется, положительно влияло на возможности закупать крестьян там. Кроме того, как в период запрета на покупку крестьян, так и после его отмены донские помещики не брезговали укрывательством беглых крепостных, причем большинство из них также составляли малороссы [70].

Следовательно, в течение первой половины XIX в. на территорию уже заселенных преимущественно малороссами Миусского и Донецкого округов шло два потока внешних мигрантов – с запада и с востока, причем в обоих также преобладали малороссы. Однако специфика этих потоков отличалась принципиально: если покупные и беглые крестьяне из Харьковской и Екатеринославской губерний не имели опыта взаимодействия с казаками, то переселенцы с территорий Донского войска прежде долго жили бок о бок с войсковым сословием. В соответствии с уже упоминавшимися наблюдениями А.А. Карасева, в условиях отсутствия казачьих станиц именно переселенцы с основного ядра казачьих земель выступали в качестве носителей донских традиций. Если в поселениях, где жили только местные крестьяне и пришельцы с запада, бесконтрольно господствовало крепостное право, то в тех поселениях, где эти категории были разбавлены выходцами с юртовых земель, положение крестьян было значительно лучше, приближаясь к их положению на остальной территории войска [71]. Некоторые более поздние авторы, в частности, Е.П. Савельев, считали, что крестьянство Миусского и Донецкого округов не испытывало казачьего влияния вовсе [72]. Как видно из свидетельств лично наблюдавшего ситуацию А.А. Карасева, это было не совсем так, и, хотя в этом регионе казачество и крестьянство были географически разделены, носителем казачьего влияния выступала та часть крестьян, которая успела частично ассимилироваться. Но, во-первых, как мы писали выше, крестьяне основного ядра казачьих земель выселялись на запад неохотно, и их число было не так велико, а во-вторых, без прямого контакта с казачеством местные малороссы не могли перенимать отдельные традиции Донского войска, но не ассимилироваться полностью.

Даже в 1860-х гг. взаимоотношения малороссийского крестьянства и донского казачества развивались в прежнем русле, хотя позже именно решения, принятые в эпоху великих реформ, привели к кардинальным изменениям межэтнических отношений в регионе. Уже во время подготовки крестьянской реформы стало понятно, что донские крестьяне, как и крестьяне российские, должны будут получить какие-то земельные участки в общинную собственность. Фактически подобное решение ставило их в привилегированное положение даже по отношению к их хозяевам, которые оставались только пользователями войсковой земли. В результате на Дону появилась достаточно многочисленная группа помещиков, выступающая за системную реформу казачества. Ее сторонники считали необходимым введение частной собственности на землю, а также свободный допуск переселенцев на территорию Войска Донского [73]. Последнее обосновывалось

необходимостью использования всех земельных ресурсов для ускорения экономического развития, что было невозможно без привлечения дополнительных рабочих рук [74]. Однако у большей части казачества подобные идеи вызвали крайне негативную реакцию, и в начале 1860-х гг. имперской властью даже рассматривалась возможность казачьего восстания на Дону [75]. Чтобы успокоить ситуацию, в 1863 г. Александр II подписал высочайшую грамоту, в которой подтверждалась «неприкосновенность всех выгод, угодий и окружности владений» Донского войска [76].

В подобных условиях особенно остро вставал вопрос, что делать с теми крестьянами, которые, вопреки положению 1835 г., продолжали проживать на территории станичных юртов и теоретически могли претендовать на передачу в пользу их общин части казачьих земель. Войсковые власти в целом продолжая курс предыдущих десятилетий, требовали их переселения на свободные земли, в Миусский и в меньшей степени в Хоперский округа, где им и предоставлялись участки в частную собственность. Мы приводим небольшой график (рис. 4), чтобы показать, какую долю крестьян предполагалось переселять на запад ЗВД в связи с отменой крепостного права.

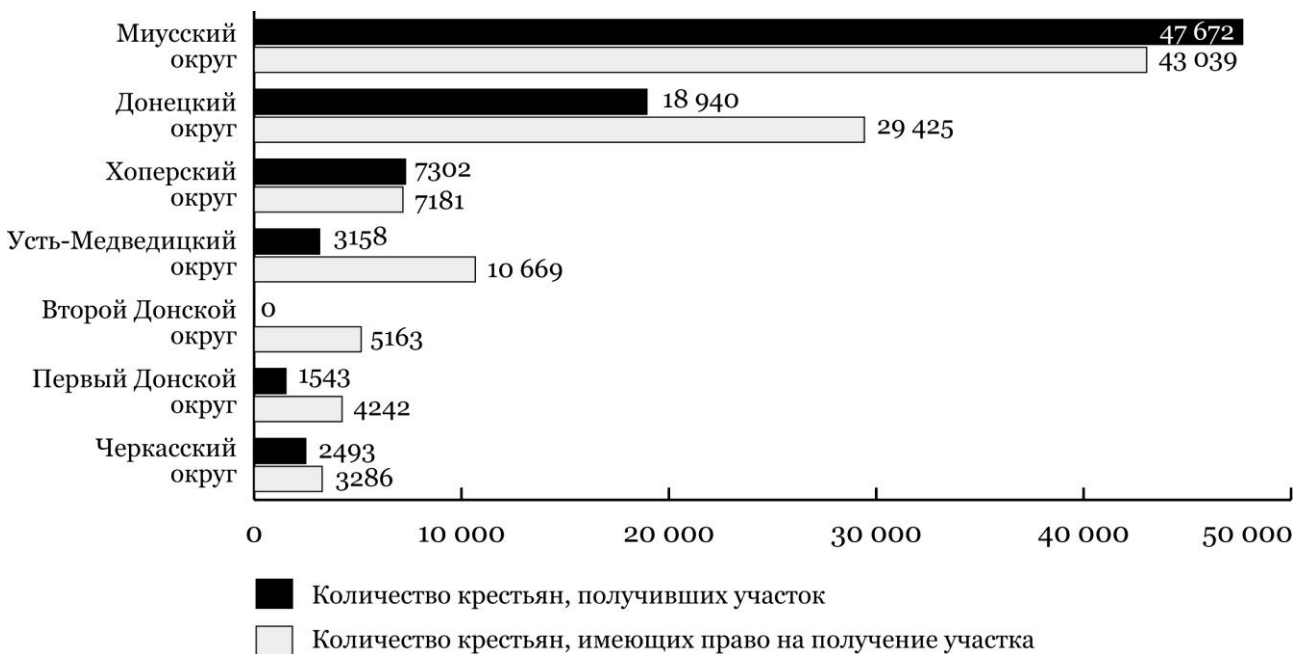

Рис. 4. Соотношение крестьян, имеющих право на получение наделов и реально получивших участки, по данным Войскового правления на 1866 г. [77]

Уже представивший эти цифры А.А. Карасев подсчитал, что при наделении донских крестьян землей «бесследно исчезли» около 21 тыс. человек или 1/5 от общей численности имевших на нее право [78]. Дело в том, что в условиях избыточного наделения станиц землей положение пользователей, а не хозяев участков было крайне выгодно для многих крестьян-малороссов. Те из них, кто имел хорошие отношения со станичными властями, запахивали столько земли, сколько могли, не внося за нее никакой платы, и переселение на четко ограниченные общинные участки означало для них уменьшение наделов в несколько раз [79]. Но войсковые власти, прежде смотревшие сквозь пальцы на то, что помещики сохраняли владения на юртовых землях, после 1861 г. перешли к политике насильственного выселения, с одной стороны, применяя меры вплоть до военных, а с другой – выплачивая переселенцам крупные суммы [80]. Однако и эти меры не увенчались успехом. Многие крестьяне даже пытались выйти из своего сословия, чтобы избежать как переселения, так и обязательного выкупа земли, которую можно было дешевле неофициально взять в аренду у казаков [81]. В конце концов войсковые власти были вынуждены уступить и разрешить тем крестьянам, которые проживали в юртах, расположенных возле неиспользуемых земель, отказаться от переселения [82].

Таким образом, большая часть казачества крайне остро реагировала на возможный приток пришельцев из-за пределов ЗВД, но по-прежнему позитивно относилась к местным малороссам. Негативной реакции не вызвала ни передача им в общинную собственность земель Миусского и Донецкого округов, ни нарезка с этой целью небольших участков в ядре казачьих земель. Благодаря поддержке казачества, значительная часть крестьян, которых должны были переселить в Миусский округ, сумела остаться на юртовых землях, и последняя попытка разделить казаков и крестьян-малороссов также не увенчалась полным успехом, хотя около 4 тыс. человек и удалось переселить [83].

Только к 1870-м гг. началось стремительное изменение этнической ситуации в ОВД. В 1870 г. Н.И. Краснов еще констатировал, что большую часть населения Дона составляют две этнические группы: казаки-великороссы и крестьяне-малороссы [84], – но в это время уже началась определенная корректировка казачьей идентичности. Сторонники системной реформы казачества сумели добиться части своих целей: лицам невойскового сословия было разрешено свободно селиться на территории ОВД и покупать землю, а помещики получили свои владения в частную собственность [85]. Результатом этих решений стал приток на казачьи земли выходцев из великорусских губерний, крайне интересные наблюдения о которых принадлежат М.Н. Харузину.

Прежде всего, доминирование великороссов в этом миграционном потоке, а также сложившаяся на Дону традиция смешения этнических и сословных маркеров привела к тому, что иногородних стали называть «русскими» или «русью» [86]. Выше мы показали, что большая часть казачества изначально негативно относилась к возможности свободного переселения на территорию ОВД. Уже одного этого было достаточно, чтобы объяснить крайне негативное отношение казаков к русским переселенцам. Однако и момент их допуска на территорию войска был выбран крайне неудачно: именно в 1870-е гг. из-за роста численности казачьего населения прежде избыточных юртовых наделов земли стало не хватать во все большем количестве станиц. На смену традиционному свободному пользованию землей приходил прописанный в законах правильный раздел [87]. В этих условиях часть казаков считала именно иногородних, получивших право владеть землей и массово переселяющихся на Дон, важной причиной обезземеливания [88].

На наш взгляд, подобное мнение никак не соответствовало действительности. Если крестьяне-малороссы к 1870-м гг. действительно обрели землю и возможность жить в собственных, не принадлежащих ни войску, ни станицам поселениях, то иногородние-«русские» в основной массе проживали в казачьих станицах, не имея собственной земли и выполняя различные работы [89]. По наблюдениям одного из членов Донского статистического комитета И. Тимощенко, в Урюпинской станице даже беднейшее казачье хозяйство нанимало работников, а общее количество последних простиралось до тысячи человек: 550 годовых работников и 450 поденщиков [90]. М.Н. Харузин приводит цитату, видимо, одного из казаков: «русский и плетень огородит, русский и коваль, он же и землекоп, и портной, и плотник, и овчинник, и пустовал, и чернорабочий, и торговец» [91]. При этом собственной земли иногородние почти не имели: в 1882 г. только 2 458 852 десятины на Дону находились в частной собственности, из них на долю крестьян всех категорий (т.е. и коренных, и иногородних) приходилось 5 %, или 122 943 десятины. Для сравнения – юртовых земель было 7 721 496 десятин, а крестьянским обществам принадлежало 371 483 десятины [92]. Следовательно, на практике переселение иногородних способствовало увеличению числа наемных работников в казачьих хозяйствах, а не их обезземеливанию.

Несмотря на это, негативное отношение казаков к переселенцам оставалось стабильным. Положение иногородних в станицах было крайне шатким, а их социальный статус крайне низок. По наблюдениям М.Н. Харузина, дело доходило до того, что от «русских» (он использовал именно это слово) требовали кланяться казакам, избивали их, а станичные власти часто независимо от обстоятельств держали сторону казаков, исходя из принципа «казака на мужика не меняют» [93]. Более того, были случаи, когда станичные сходы принимали решение об изгнании иногородних с территории станицы вопреки имперскому законодательству [94]. Власти более высокого уровня пытались отстаивать права великорусского населения и даже достигли в этом направлении определенных успехов, однако рознь между казачьим и «русским» населением не прекратилась [95].

С ростом численности на Дону иногородних-«руси» вопрос о соотношении русской и казачьей самоидентификации стал актуальным для простых казаков. Путаница этнических и сословных маркеров привела к тому, что термин «русский», применяемый для обозначения иногородних, стал рассматриваться казаками как оскорбительный. М.Н. Харузин приводит лично наблюдавшуюся им историю, произошедшую в станице Аннинской, когда казак обозвал иногороднего «проклятой русью». Иногородний возразил казаку, что и тот является русским, за что едва не был избит его товарищами, впрочем, не сумевшими ответить на вопрос о том, кто они, если не русские. В конце концов, некоторые казаки признали себя русскими, но большая их часть пришла к выводу, что, хотя «земля одна [Россия. – А.П.], да фамилия то не одна: то – казак, то – русский, а то – и вовсе хохол» [96]. Неопределенность в вопросе о том, являются ли казаки частью русского народа, следует отметить и у некоторых донских авторов 1870–1880-х гг. В частности, С.Ф. Номикосов в разделе своей обстоятельной работы, посвященном этническому составу донского населения, фактически использовал термин «русский» в двух значениях этого слова. С одной стороны, он считал русским все славянское население Дона, включая южных славян и даже почему-то греков [97]. С другой – он разделял население ОВД на пять групп: русских крестьян, расселенных по всей его территории и не имеющих мест компактного проживания, крестьян-малороссов, преобладающих в Миусском и некоторых районах Черкасского и Донецкого округов, казаков с преобладанием великорусского типа в Хоперском и Усть-Медведицком округах, казаков с преобладанием малороссийского типа в Первом Донском и некоторых районах Черкасского и Донецкого округов и казаков с преобладанием монгольского типа во Втором Донском округе [98]. В первом случае казаки оказывались частью русского народа, а во втором – нет, составляя даже не одну, а три отдельные этнические группы. При этом понятию «народ» в его обычном понимании не соответствует ни категория «русских», в которую заносятся все славяне, ни небольшие «этнические» группы вроде казаков с преобладанием монгольского типа.

Можно констатировать, что во второй половине XIX в. путаница сословных и этнических маркеров на Дону только усиливалась, как и путаница в головах представителей интеллигенции и рядовых казаков. С одной стороны, даже казакманы (сторонники казачьей замкнутости) не отрицали теснейшей связи казачества и России (например, один из них, Х.И. Попов, определял донских казаков как русское племя с примесью других элементов [99]). С другой стороны, прогрессисты (сторонники полной открытости Донского войска) неосторожно использовали термины «народ» и «элементы народности» по отношению к казачеству (например, Н.И. Краснов в ранних работах называет народом совокупность донских и днепровских казаков [100]). На наш взгляд, именно в это время закладывался фундамент для возникновения казачьего национализма [101].

Но понятие о казачьем народе причудливо сплеталось с понятием о казачьем сословии, наделенном определенными привилегиями. Вышеприведенные факторы, а именно начало обезземеливания казачьих хозяйств, резко негативное отношение к русским, поток иногородних, хлынувших в ОВД, и первые проявления казачьего национализма привели к фактическому закрытию казачьего сословия на Дону для новых людей. Если в первой половине XIX в. законодательно закрепленные запреты на принятие малороссов обходились станичными властями даже вопреки желанию донских дворян, то во второй половине столетия, после отмены этих запретов, сколько-либо массового принятия в казаки на Дону уже не было. Принятие в казаки лиц невойскового сословия регламентировалось законом от 21 апреля 1869 г., согласно которому по решению станицы казакмном мог стать любой, имеющий на это уважительные причины: женившийся на казачке, усыновленный казакмном, долго проживающий в станице и т.п. [102]. Нетрудно понять, что формально он давал повод для принятия в войсковое сословие многих иногородних, постоянно живущих в станицах. На практике, однако, именно в Донском войске приток вступающих в казаки оказался крайне невелик: если в Семиреченском войске принятие новых членов обеспечивало 32 % от общего прироста численности, то на Дону принятие в казаки давало только 3 % прироста [103]. Таким образом, если малочисленное малороссийское население основного ядра казачьих земель до 1860-х гг. в целом успешно

ассимилировалось казачеством, то бурный приток русских казаки не пытались ассимилировать и принять в свои ряды.

В 1860–1870-е гг. произошло еще одно событие, оказавшее существенное влияние на взаимоотношения казаков, русских и малороссов. Речь идет о попытке введения на Дону земств. История этого процесса подробно описана в статьях А.А. Волвенко [104–105], нас же интересуют только некоторые его аспекты. Дело в том, что сначала комиссии по подготовке введения земств, а затем комиссии по их реформе стали своеобразной трибуной, на которой высказывали свою позицию представители различных донских сословий. Например, в первую комиссию по введению земств по инициативе донского дворянства были включены представители всех донских сословий, кроме иногородних [106]. И уже в этой комиссии раздалась голоса, призывающие ввести «земства только для казаков» [107]. Военному министерству пришлось специально уточнить, что формат земств предусматривает включение представителей всех сословий и исключительно казачьим органом они быть не могут [108]. Этот спор стал своеобразным вступлением к дискуссии о том, какими правами пользуется на Дону невойсковое население и может ли оно быть допущено к земским органам.

Земства на Дону были введены в 1876 г., а уже в 1878 г. стало понятно, что казачье население не желает ими пользоваться [109]. В 1881 г. была создана наиболее представительная комиссия по реформе земств, заседания в которой велись по трем категориям: среди представителей станичных обществ, невойскового сословия и «владельцев шахт, землевладельцев, представителей администрации» [110]. Наиболее интересна, на наш взгляд, была позиция представителей станичных обществ. Они выступали против участия крестьян в земских органах, фактически вновь возвращаясь к лозунгу «земства только для казаков». Ссылаясь на историю донского региона, на тот факт, что донская земля была завоевана их предками, они требовали восстановления вместо земств войскового круга, в котором бы право голоса имели только казаки. Землевладельцы и чиновники заняли схожую позицию, требуя увеличения доли казаков в земствах, и только крестьяне настаивали на их сохранении в прежнем виде. В этих условиях правительство предпочло просто закрыть земские органы [111].

На наш взгляд, конфликт вокруг земств был первым конфликтом между казаками и крестьянами-малороссами, который носил не ситуационный, а принципиальный характер. В его ходе в донской печати звучала мысль о том, что ОВД принадлежит исключительно казакам по праву завоевания и пожалования [112]. Следовательно, даже коренные крестьяне-малороссы, не говоря уже об иногородних, не имеют права на представительство в органах местного самоуправления. Нетрудно заметить, что подобные идеи восходили к рапорту от 1802 г. по вопросу о малороссах, людях другого звания и крестьянах, поселенных на войсковых землях. Безусловно, его основная мысль о том, что малороссы являются пришлым элементом, к 1870-м гг. в фактографическом плане несколько устарела, поскольку потомки «малороссийских черкас» даже не запорожского происхождения к этому времени жили в Миусском округе более столетия. Однако в плане политическом с попыткой создания сословного органа на Дону данная мысль обрела новую актуальность, обосновывая исключительное право казачества быть представленным в земствах.

Таким образом, в 1870-е гг. начали портиться и отношения казаков с малороссами, и на смену ситуационным конфликтам из-за земли, конокрадства, семейных ссор и проч. приходил тот же принципиальный конфликт, который существовал между казаками и иногородними-«русью»: конфликт вокруг потери Донским войском закрытого статуса, усиленный проблемами обезземеливания казаков, вопросами допуска лиц невойскового сословия в выборные органы власти и пробуждающимся казачьим национализмом.

Дальнейшая эволюция взаимоотношений русских, казаков и малороссов продолжалась в рамках той новой ситуации, которая сложилась в 1870-е гг. Казачество замкнулось в себе, сосредоточившись на сохранении своих прав и привилегий, почти не ассимилируя и не принимая в состав новых членов. Напротив, значительная часть его представителей по-прежнему негативно относилась к иногородним-«руси», а отношения с крестьянами-малороссами продолжали ухудшаться. Хотя попыток изолировать казачье и малороссийское население больше не предпринималось, не предпринималось и попыток как-то разбавить казачьим населением малороссийской запад ОВД. Поэтому основной

конфликт происходил между казаками и русскими, проживающими в казачьих станицах. Казачье население четко отделяло себя от «руси», однако вопрос о том, насколько подобное разделение было связано с сословным, а насколько – с этническим признаком, какое-то время оставался некатализированным.

Мы остановимся на нескольких событиях периода 1880–1917 гг., которые представляются нам важными для понимания рассматриваемой темы. В самом начале своей работы мы приводили мнение Р.Г. Тикиджьяна об «искусственном расчленении» казачьих земель в 1920-е гг. На наш взгляд, подобное расчленение произошло уже в 1887 г., когда в составе ОВД были созданы 2 гражданских округа: Ростовский и Таганрогский. Для их создания Миусский округ и та часть Черкасского, на которой преобладало крестьянское население, были присоединены к переданным в состав ОВД землям Екатеринославской губернии [113]. В 1888 г. последовала реформа управления казачьими округами: теперь их начальники были не только высшими гражданскими чиновниками, но и отвечали за военную организацию вверенных им территорий [114]. Отметим, что получила распространение практика назначения на должность окружных начальников не чиновников, а строевых офицеров (считалось, что только они могут на должном уровне выполнять возложенные на них функции по военной части [115]). Таким образом, с 1888 г. земли ОВД, на которых преобладало коренное малороссийское крестьянство, были и формально отделены от основного ядра казачьих земель, и присоединены к территориям, исторически тяготевшим к Малороссии, а не к Донскому войску.

Относительно точные данные по национальному составу донских округов могла бы дать первая всероссийская перепись населения 1897 г., однако в ее опросном листе, как мы уже писали, отсутствовала графа «национальность». Крестьяне в ней подчитывались совокупно, как местные малороссы, так и иногородние великороссы. Таким образом, единственным критерием, соотносящимся с национальностью при проведении данной переписи, был язык. Но к началу XX в. многие малороссы, переселившиеся на Дон несколько поколений назад, уже утратили не только национальные обычаи и обряды, но и «говор» [116]. По наблюдениям В. Богачева, в полной мере традиции малороссийских губерний сохранили только те выходцы из них, которые переселялись позднее 1870-х гг. [117]. На наш взгляд, тут уместно напомнить свидетельства А.А. Карасева, относящиеся как раз к 1860-м гг., о том, что даже в тех крестьянских поселениях, которые не контактировали с казаками напрямую, но в которые переселяли крестьян с юртовых земель, чувствовалось определенное влияние казачьих традиций. Таким образом, крестьяне-малороссы донских земель хотя и не были ассимилированы казачеством, в результате его длительного опосредованного воздействия еще в ту эпоху, когда казаки положительно относились к пришельцам, обрели новые черты и стали отличаться от малороссов соседних губерний. Поскольку часть из них утратила «говор», но сохранила самоидентификацию в качестве «малороссов», реальная их численность могла быть выше, чем число людей, для которых родным был «малорусский язык».

Тем не менее многие цифры данной переписи представляются нам крайне интересными, особенно в сопоставлении с данными 1850-х и 1910-х гг. Мы позволим себе привести их чуть ниже в формате графика (рис. 5).

Подчеркнем, что цифры в таблицах крайне приблизительны. О переписи 1897 г. мы говорили выше. Для данных 1859 и 1916 гг. мы использовали оценочный метод, исходя из смешения на Дону сословных и этнических маркеров. Мы условно рассматривали крестьянское население как малороссийское, а казачье и иногороднее как русское. Тем не менее, как видно из таблиц, даже эти приблизительные цифры хорошо соотносятся между собой. Преобладание русских над малороссами в основном ядре казачьих земель не только сохранялось, но и возрастало, хотя и малороссийское меньшинство было стабильным с тенденцией к росту в абсолютных показателях. А вот преобладание малороссов в западных округах ОВД с открытием региона для иногородних-«руси» и отменой правительственных актов о разделении казачьего и крестьянского населения быстро сходило на нет. Если в Донецком округе в 1859 г. существенно преобладали крестьяне-малороссы, то к 1897 г. носители «малорусского языка» были в явном меньшинстве, а к 1916 г. потомки малороссов-крестьян составляли менее 1/3 населения. Миусский округ в 1859 г. был абсолютно малороссийской по этническому составу территорией, а к 1916 г. в Таганрогском округе,

включавшем его земли, численность великороссов и малороссов почти уравнилась. Таким образом, территория с преобладанием малороссийского населения, возникшая в XVIII в. и стабильная до 1860-х гг., начала быстро размываться.

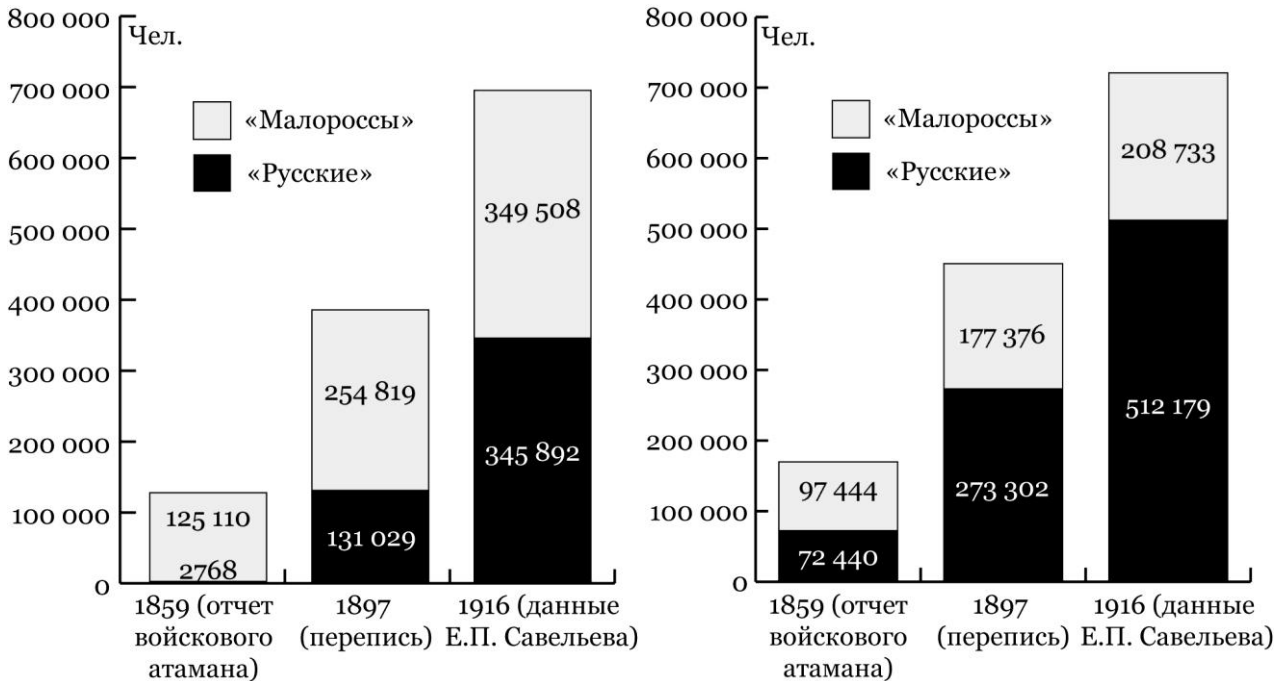
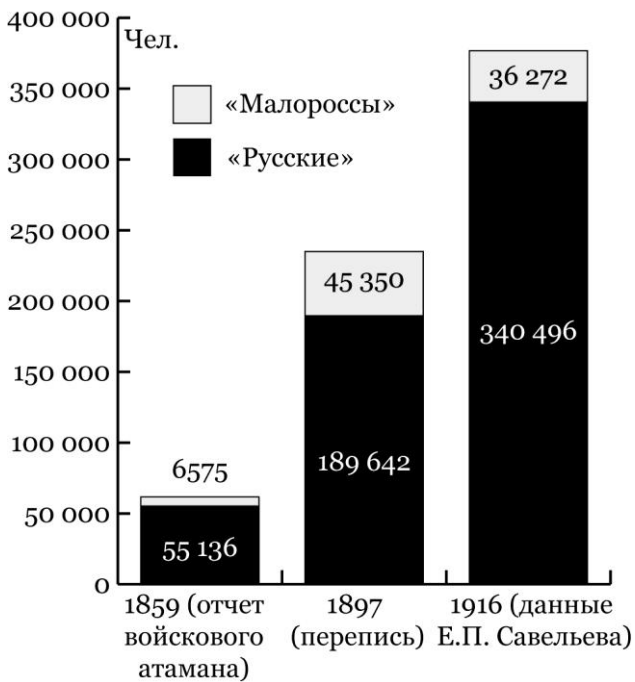

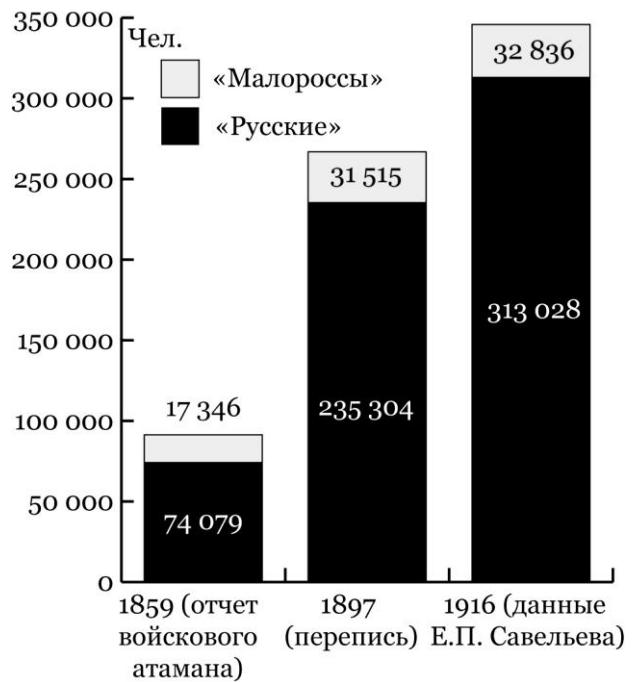
Рис. 5. Ориентировочные цифры национальной динамики населения по округам в 1850–1910-х гг. [118–120]

а) Миусский / Таганрогский округ

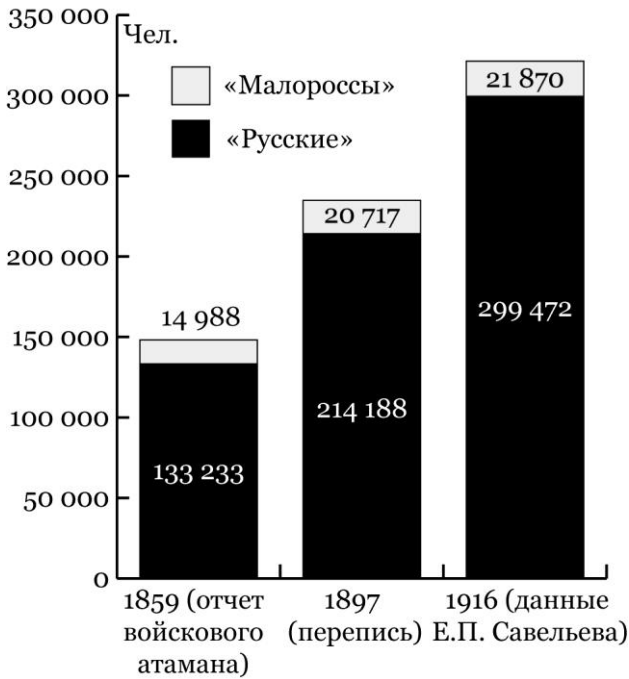

в) Черкасский округ

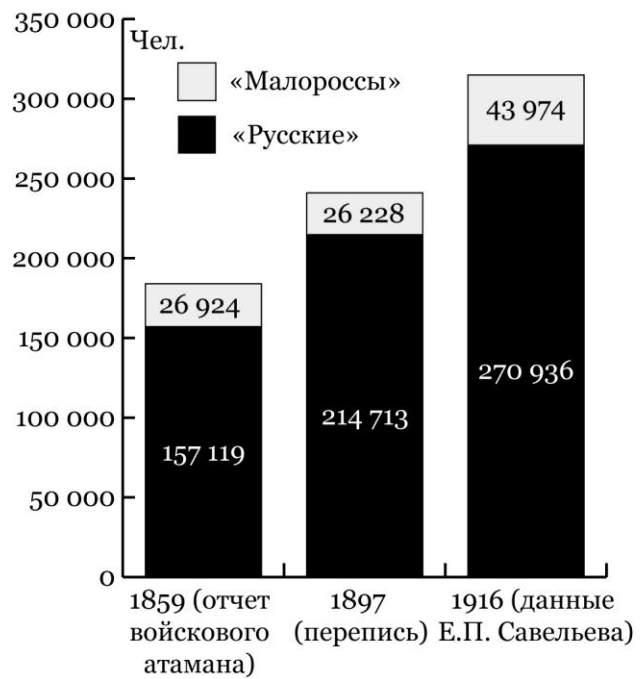
б) Донецкий округ

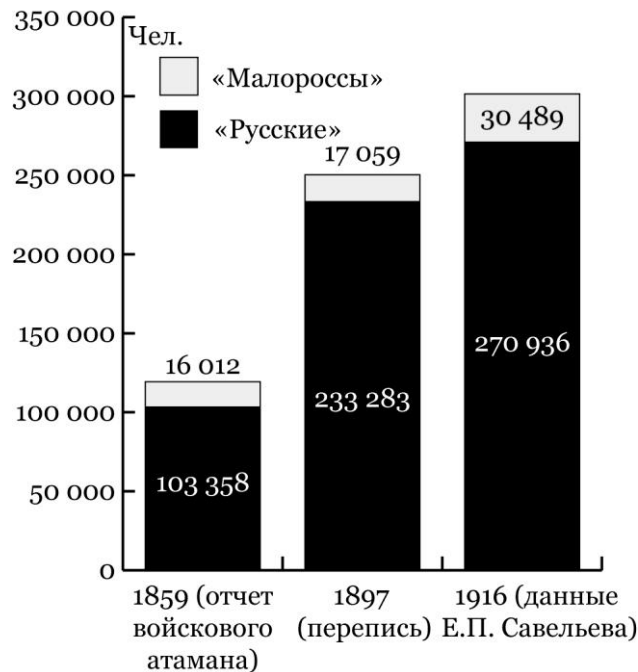
г) Первый Донской округ

д) Второй Донской округ

е) Усть-Медведицкий округ

ж) Хоперский округ

Главной движущей силой этого процесса выступали иногородние. Мы уже писали, что правительство не пыталось переселять казаков на западные территории. Позволим себе привести еще один небольшой график, демонстрирующий соотношение казаков, крестьян и иногородних в Донецком и Миусском / Таганрогском округах в 1859 и 1916 гг.

Как видно из графика (рис. 6), доля казаков и в Миусском/Таганрогском, и в Донецком округах между 1859 и 1916 гг. не претерпела существенных изменений. Зато стремительно возросло число иногородних. На территории округов основного ядра казачьих земель их численность к 1916 г. была заметно ниже в абсолютных цифрах, однако и там являлась достаточно значительной [121]. Тем не менее и в начале XX в. казаки сохранили численное преобладание на большей части территорий ядра казачьих земель: меньше 50 % от

населения они составляли только в гражданских Таганрогском и Ростовском округах, Донецком округе, в котором исторически преобладали малороссы, Сальском округе, в котором исторически преобладали калмыки, и исторически казачьем Черкасском округе [122].

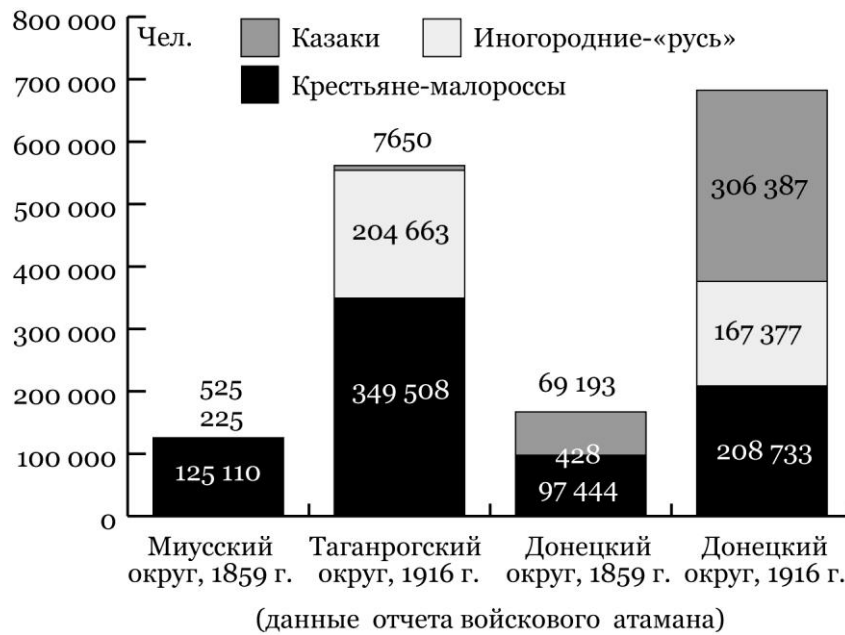

Рис. 6. Соотношение казаков, крестьян и иногородних в Донецком и Миусском / Таганрогском округах в 1859 и 1916 гг. [123–124]

В это время вследствие стремительного роста казачьего населения обезземеливание в станицах продолжалось. К началу XX в. ситуация обострилась настолько, что в Черкасском и Первом Донском округах началось изгнание с юртовых земель тех крестьян, которые «неофициально» проживали там еще с 1860-х гг. и более раннего периода. По свидетельству Е.П. Савельева, крестьяне искали защиты в судах, однако не находили там поддержки: юридически они не имели права на ту землю, которую их предки в обход закона получили от станиц [125]. В 1910 г. депутаты Государственной думы обвинили войскового атамана Ф.Ф. Таубе в попытке выселить с территории ОВД всех неказаков [126]. Хотя подобные утверждения основывались на слухах и являлись, по сути, политическими интригами, само их появление наглядно свидетельствует об обострении отношений между казачеством и прочими сословиями. Катализировали кризис и попытки восстановить на Дону земства, натыкающиеся все на то же сопротивление части казачества, не желающей создания на Дону всесословных органов [127].

Противостояние казаков как с крестьянами-малороссами, так и с иногородними-«русью» способствовало окончательному оформлению в начале XX в. казачьего национализма. Если в 1860–1880-х гг. различные авторы использовали термин «народ» по отношению к казачеству в рамках терминологической путаницы, то представители группы С.А. Холмского были вполне последовательны в своем выставлении донского казачества отдельным народом. Деятельность группы С.А. Холмского подробно разобрана в интереснейшей монографии Б.С. Корниенко [128], однако некоторых ее аспектов необходимо коснуться в рамках нашего исследования.

Прежде всего, С.А. Холмский и его сторонники парадоксальным образом сочетали любовь к России и русским с негативным отношением к иногородним-«руси». Возможно, ярчайший пример этого представляет собой статья «Казачий национализм», опубликованная в издаваемом С.А. Холмским «Голосе казачества». Сперва ее автор декларировал «очевидную истину», что земля, добытая казаками и «политая их кровью», может принадлежать только им и передача ее иногородним, т.е. в основной своей массе русским, недопустима. Однако затем он утверждал, что казаки, приобретя «казачье нечто»,

остались глубоко русскими, более того, у них с русскими один враг – «иностранцы», пытающиеся уничтожить славянские нации [129]. В итоге, несмотря на все реверансы в сторону русского народа, для казачьих националистов именно русские «мужики» стали одним из основных врагов [130]. Сам С.А. Холмский выражал возмущение той мыслью, что с «мужичками» уравниют «нас, гордящихся именем казака, омытым благороднейшей казацкой кровью рыцарей Дона и Сечи, прогремевших на весь мир своей храбростью, великодушием, христианским смирением и терпением без конца, качества, сохранившиеся вполне и в теперешнем казачьем населении всех войск» [131]. Таким образом, казаки-малороссы и их потомки оказывались в рассуждениях С.А. Холмского ближе к донским казакам, чем великороссы. Накануне революционных событий на Дону население все сильнее раскалывалось на казаков и неказаков, а не на великороссов и малороссов. Однако данный конфликт был не чисто сословным, но сословно-этническим, поскольку казачество в условиях путаницы сословных и этнических маркеров все явственнее выступало не только как сословное, но и как этническое единство.

Выводы

Прежде чем перейти к выводам о степени обоснованности передачи УССР части земель ОВД, отметим выявленные нами особенности межэтнического взаимодействия русских и малороссов на ее территории. Мы показали, что уже в XVIII в. донская земля не была мононациональным регионом: существовало украинское меньшинство, внесшее значительный вклад в сельскохозяйственное освоение будущих Таганрогского и Донецкого округов. Сосуществование различных народов на Дону обладало своей спецификой, важнейшей особенностью которой было смешение сословных и этнических маркеров: этноним «малоросс» стал синонимом сословного статуса «крестьянин», а этноним «русский» стал синонимом сословного статуса «иногородний». При этом ситуацию запутывало то, что этноним «великоросс» мог использоваться и для характеристики казачьего сословия, а этноним «русский» мог применяться и к совокупности казачьего, великоросского и малороссийского населения. Тем не менее, на наш взгляд, корректнее всего будет говорить о взаимодействии на Дону трех этносов: русского, украинского и не вполне сформировавшегося казачьего, который, в зависимости от обстоятельств, мог выступать как совместно с русским, так и самостоятельно.

До 1870-х гг. межэтнические отношения на Дону строились на безусловном признании абсолютного первенства казачества. Русского меньшинства еще не существовало, а малороссийское рассматривалось войсковыми властями начиная с рапорта 1802 г. как традиционный, но фактически бесправный элемент. Малороссы не имели возможности ни попасть в управляющие структуры войска, ни владеть землей. Однако их положение было лучше, чем в соседних губерниях, из-за относительной мягкости крепостного права на Дону, кроме того, те из них, что жили в основном ядре казачьих земель, постепенно ассимилировались казачеством и даже принимались в его состав. Главным фактором, тормозящим развитие межэтнических отношений, выступали войсковые власти, пытавшиеся разделить казачье и крестьянское население во избежание ситуационных конфликтов, возникавших чаще всего из-за земли. Именно политика изоляции крестьян-малороссов и их переселения с основного ядра казачьих земель в западные округа привела к консервации там территории с абсолютным преобладанием малороссийского населения.

Ситуацию, стабильную на протяжении столетия, взорвали реформы 1860-х гг. Были поставлены под сомнение те основы, на которых прежде строились взаимоотношения казаков и малороссов. Передача земли крестьянским общинам, введение на Дону частной собственности на землю и попытка создания земств поставили под угрозу абсолютно доминирующее положение казачества в регионе. Хотя на первый взгляд эти вопросы касались понижения его сословного статуса, на практике они обостряли межэтнические взаимоотношения как с малороссийским, так и с русским населением, с 1868 г. массово перемещающимся на Дон. Кроме того, именно эти вопросы в дальнейшем стали принципиально значимыми для казачьих националистов, пытавшихся сформировать национальное сознание казачества на основе проблем его сословного статуса. Особенно негативным было отношение казаков не к малороссийскому, а к русскому населению, которое не имело исторической традиции проживания на Дону. Противостояние казаков

и русских способствовало формированию особой казачьей идентичности, разрушало историческую традицию рассмотрения казачества как части великорусского народа.

В результате само казачество стало значительно более замкнутым, и ассимиляция им пришлых малороссов и русских почти прекратилась. А поскольку приток иногородних-«руси» был достаточно стабильным и многочисленным, доля казачьего населения в ОВД постепенно падала, хотя на территории основного ядра казачьих земель оно все еще численно преобладало к началу XX в. Подобная ситуация никак не могла быть устойчивой в длительной перспективе и не устраивала ни казаков, ни малороссов, ни русских. Можно констатировать, что реформы 1860-х гг. дестабилизировали межэтнические отношения на Дону, а найти адекватный ответ на этот вызов ни войсковым, ни имперским властям так и не удалось. При этом и русскому, и малороссийскому населению противостояло казачество, представители которого зачастую занимали крайне жесткую позицию по принципиальным вопросам. И то решение национального вопроса на Дону, которое предложили большевики (уничтожение казачества как сословия, признание его частью русского народа, раздел ОВД между РСФСР и УССР), было возможно не оптимальным, но вполне закономерным завершением длительных процессов.

Что касается самого проведения границы между УССР и РСФСР, то утверждения об «искусственном расчленении казачьих земель» и передаче части их территорий Украине не вполне соответствуют действительности. Мы показали, что западная часть ОВД представляла собой крайне специфическую территорию, исторически малороссийскую по этническому составу, но более столетия находившуюся под административным контролем донского дворянства. Рядовое казачество на территориях, переданных Украине, всегда составляло меньшинство. Однако упомянутая искусственная изоляция Миусского и частично Донецкого округов, приведшая к формированию там сплошного украинского населения, закончилась в 1860-м гг. После разрешения иногородним селиться на донской земле туда хлынул поток русского (неказачьего) населения, численность которого возрастала значительно быстрее, чем численность крестьян-малороссов. В то же время и коренные крестьяне, переселившиеся на Дон до 1861 г., были в значительной степени ассимилированы и частью утратили даже язык, хотя и продолжали считаться малороссами. В этом плане особенно показательны данные переписи 1923 г., согласно которой 72,3 % населения Таганрогского округа считали себя украинцами по национальности, но только 44,6 % населения владели украинским языком. Более того, по мнению проводивших перепись, «чистых» украинцев в Таганрогском округе почти не осталось, и «украинцами» записывали себя представители смешанного населения, фактически ассимилированного с русским [132]. На наш взгляд, это могло быть связано все с той же путаницей сословных и национальных маркеров, в рамках которой «малороссами» называли коренных крестьян, имевших более высокий статус, чем иногородние-«русь». Уже после присоединения Таганрогского округа к Украине жители некоторых поселений жаловались на незнание украинского языка, ставшего для них официальным [133].

Хотя сторонники присоединения Таганрогского и части Донецкого округов к Украине обращали большее внимание на политические и экономические факторы данного процесса, существовали и попытки обосновать его и историческими причинами. При этом наблюдались многочисленные искажения действительности. В частности, представители Таганрогского исполкома утверждали, что за период 1897–1923 гг. доля украинского населения в Таганрогском округе возросла на 24 % (с 53 % населения до 77 %) [134]. Однако ссылка делалась на всероссийскую перепись 1897 г., где указывалась не национальность, а родной язык. По данным переписи 1923 г., как мы упомянули выше, по-украински говорило только 44,6 % населения Таганрогского округа, т.е. доля украиноязычного населения в 1897–1923 гг. не только не возросла, но и существенно сократилась. Как мы показали, происходила не «естественная украинизация» Таганрогского округа, на которой настаивал Таганрогский исполком, а его «естественная русификация», происходившая помимо правительственных решений. Столь же некорректным являлось и утверждение о том, что коренное население Таганрогского округа составляют потомки запорожских казаков и только некоторые станицы заселялись русским казачеством [135]. Напомним, что и дореволюционные авторы, и современные исследователи сходятся в том, что Миусский округ осваивался в основном пришлыми малороссами, как казаками, так и беглыми

крестьянами, а не потомками местных запорожцев. Большая их часть пришла в эти земли уже после передачи их донской старшине, т.е. даже позже донских казаков.

На наш взгляд, попытки объявить территорию бывших Миусского и частично Донецкого округов как исконно украинской, так и исконно казачьей землей основываются на неверных предпосылках. Казаки и малороссы осваивали их совместно, в рамках того процесса, который И.А. Ревин назвал «агроколонизацией». Сотрудничество русского и украинского народов при освоении этих земель было настолько тесным, что в настоящее время невозможно провести некую «исторически бесспорную» границу. Как мы показали, почти все коренное население этих земель являлось малороссийским, однако к началу XX в. было сильно русифицировано, а термин «малоросс» означал не только этническую, но и сословную категорию. Таким образом, в зависимости от методологических установок исследователя или политической конъюнктуры население Таганрогского и части Донецкого округов начала XX в. может рассматриваться и как русское, и как украинское. На наш взгляд, споры на этот счет бесперспективны, и более обоснованным представляется подход, признающий изначально смешанный характер освоения этих земель и тесной связи народов в ходе этого процесса.

Примечания:

1. Тикиджьян Р.Г. Система трансформации донского казачества в системе российского юго-восточного пограничья в XVI–XX вв. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 546.
2. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. М.: Щербинская типография, 2007. 60 с.
3. Krinko E.F., Medvedev M.V. “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // Russkii Arkhiv. 2015. Vol. (9). Is. 3. P. 204–219.
4. Krinko E.F., Medvedev M.V. “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 (Ending. Beginning in issue 3 (9), 2015, Russkii Arkhiv) // Russkii Arkhiv. 2015. Vol. (10). Is. 4. P. 288–295.
5. Криנקо Е.Ф. Формирование российско-украинской границы в Приазовье и Донбассе в 1920–1924 гг. // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 44–48.
6. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области... С. 22.
7. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М.: Типография М.П. Щепкина, 1885. С. XXVIII.
8. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Генерального штаба, 1863. С. 230.
9. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб.: Военная типография, 1870. С. 51.
10. Область войска Донского по переписи 1873 года. Вып. 1. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1879. С. 420.
11. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 2–3.
12. Первая всеобщая перепись населения, 1897 г. Область Войска Донского. [Б.м.]: Тип. кн. В.П. Мещерского, 1905. С. 78.
13. Карасев А.А. Донские крестьяне // Труды Донского Войскового статистического комитета. Вып. I. Новочеркасск: Тип. газеты «Донской вестник», 1867. С. 69–121.
14. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского...
15. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Новочеркасск: Донская епархиальная типография, 1917. 80 с.
16. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права...
17. Краснов С.Ю. Наказание виновных по обычному праву донских казаков во второй половине XIX века // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 126–143.
18. Ревин И.А. Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье: вторая половина XVIII в. – 1861 г. Ростов н/Д: Изд-во: СКНЦ ВШ, 2005. 188 с.

19. Волвенко А.А. Земская реформа в Области войска Донского (1864–1882) // Государственная власть и местное самоуправление. 1998. № 1. С. 49–58.
20. Волвенко А.А. Восстановление Донского земства: упущенные возможности (1882–1917 гг.) // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. №4. С. 51–59.
21. Волвенко А.А. О праве на зачисление в войсковое казачье сословие (XIX – нач. XX в.) // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: материалы всероссийской заочной научно-практической конференции. Краснодар: Традиция, 2012. С. 138–140.
22. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. 232 с.
23. О утверждении в войске Донском новой казачьей станицы на урочище кривой Косы на берегу Азовского моря. № 23 368, 4 июля 1849 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXIV. Отд. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1851. С. 368–369.
24. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 73.
25. Ревин И.А. Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье: вторая половина XVIII в. – 1861 г...
26. Богачев В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск: Типография управления артиллерии В.В.Д., 1919. С. 497.
27. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 72–74.
28. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 73.
29. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 25.
30. Ревин И.А. Крестьянство Дона и Приазовья в дореформенный период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2005. С. 15–21.
31. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 77.
32. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 193–194.
33. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 72–77.
34. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 193–194.
35. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 82.
36. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 32.
37. Ревин И.А. Социально-исторический статус неказачьего населения станиц войска Донского (по материалам актов донских церквей 1763–1868 годов) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. Вып. 29. № 4. С. 18.
38. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 226. Оп. 19. Д. 691. Л. 28–35.
39. Ревин И.А. Социально-исторический статус неказачьего населения станиц войска Донского (по материалам актов донских церквей 1763–1868 годов)... С. 17.
40. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 79.
41. Марков К.В. Крестьяне на Дону // Сборник Области войска Донского статистического комитета. Вып. XIII. Новочеркасск: Войсковая типография, 1915. С. 87–89.
42. Марков К.В. Крестьяне на Дону...
43. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 3. Новочеркасск: тип. А.А. Карасева, 1894. С. 219.
44. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным... С. 221.
45. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным...
46. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным... С. 222.
47. Ревин И.А. Социально-исторический статус неказачьего населения станиц войска Донского (по материалам актов донских церквей 1763–1868 годов)... С. 18.
48. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным... С. 223.
49. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 83.
50. Карасев А.А. Донские крестьяне...
51. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 84–85.
52. Перегятыко А.Ю. Искусственное сохранение сложившегося уклада донского казачества в 1860 гг.: проблемы и достижения // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 97–104.
53. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 83–89.
54. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 89.
55. Карасев А.А. Донские крестьяне...

56. Ревин И.А. Крестьянство Дона и Приазовья в дореформенный период... С. 19–21.
57. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 88–89.
58. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска... С. 16–17, 77–80.
59. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 199.
60. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 228.
61. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 88.
62. Ревин И.А. Крестьянство Дона и Приазовья в дореформенный период... С. 19–21.
63. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 230.
64. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 32–33.
65. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 216.
66. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 31.
67. Агафонов А.И. Донская дворянская геральдика // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2010. С. 83.
68. Савельев Е.П. Очерки по истории торговли на Дону. Новочеркасск: Тип. В.И. Бабенко, 1904. С. 36.
69. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 199.
70. Ревин И.А. Крестьянство Дона и Приазовья в дореформенный период... С. 20–23.
71. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 85–88.
72. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 34.
73. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860–1870-е годы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 13. № 3. С. 14.
74. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 231–232.
75. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860–1870-е годы)... С. 16.
76. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860–1870-е годы)... С. 17.
77. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 85–86.
78. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 86.
79. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 103–104.
80. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 109.
81. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 113.
82. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 110.
83. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 86.
84. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска... С. 49.
85. Агафонов А.И. Донская дворянская геральдика... С. 84.
86. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права... С. XXVIII.
87. Перетятко А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. С. 78.
88. Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 115.
89. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права... С. XXVII–XXVIII.
90. Тимощенко И.В. Урюпинская станица и прилегающие к ней местности // Труды областного Войска Донского статистического комитета, вып. 2. Новочеркасск: Типография Области Войска Донского, 1874. С. 9, 35.
91. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права... С. XVIII.
92. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 44–45.
93. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права... С. XVIII.
94. ГАРО. Ф. 338. Оп. 2. Д. 677. Л. 135–136.
95. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права... С. XVIII.
96. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права... С. XVIII.
97. Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Изд. Обл. правления ОВД, 1884. С. 280.

98. Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского... С. 280.
99. Х.И. Мысли казака о казачестве, по поводу современных слухов // Донские областные ведомости. 1863. № 20. С. 144–149.
100. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 9–10.
101. Перетятко А.Ю. Формирование казачьей идентичности во второй половине XIX века: ранняя стадия национального движения по схеме Мирослава Хроха // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10. Ч. II. С. 122–125.
102. Волвенко А.А. О праве на зачисление в войсковое казачье сословие (XIX – нач. XX в.)... С. 139.
103. Волвенко А.А. О праве на зачисление в войсковое казачье сословие (XIX – нач. XX в.)... С. 139.
104. Волвенко А.А. Земская реформа в Области войска Донского (1864–1882)... С. 49–58.
105. Волвенко А.А. Восстановление Донского земства: упущенные возможности (1882–1917 гг.)... С. 51–59.
106. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 836. Л. 1.
107. Волвенко А.А. Земская реформа в Области войска Донского (1864–1882)... С. 50–57.
108. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 111.
109. Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века... С. 116.
110. Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века... С. 117.
111. Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века... С. 117–118.
112. Перетятко А.Ю. Формирование казачьей идентичности во второй половине XIX века: ранняя стадия национального движения по схеме Мирослава Хроха... С. 123–124.
113. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб.: Товарищество Голике и Вильборг, 1909. С. 478.
114. Пронштейн А.П., Гаврилова В.Е. Документы по истории Донского казачества (Обзор фонда Войскового штаба войска Донского) // Архивы – общественным наукам. Сборник обзоров, вып. 2. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 1981. С. 7.
115. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 507. Л. 96–100.
116. Богачев В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского... С. 338.
117. Богачев В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского... С. 338–339.
118. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 216.
119. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 48–49.
120. Первая всеобщая перепись населения, 1897 г. Область Войска Донского... С. 78.
121. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 48–49.
122. Первая всеобщая перепись населения, 1897 г. Область Войска Донского... С. 48–49.
123. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 216.
124. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 48–49.
125. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 58–59.
126. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914)... С. 83.
127. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914)... С. 85.
128. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма. (1909–1914)...
129. А.Г. Казачий национализм // Голос казачества. 1912. № 35.
130. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма. (1909–1914)... С. 204–205.
131. Холмский С.А. Выборы в казачестве // Голос казачества. 1912. № 47. С. 518.
132. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области... С. 22.
133. Кринко Е.Ф. Формирование российско-украинской границы в Приазовье и Донбассе в 1920–1924 гг. С. 47.
134. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области... С. 22.
135. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области... С. 22.

References:

1. Tikidzhyan R.G. Sistema transformatsii donsogo kazachestva v sisteme rossiyskogo yugovostochnogo pogranychya v 16–20 vv. // Granitsy i pogranychye v yuzhnorossiyskoy istorii: materialy

- Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 26–27 sentyabrya 2014 g.). Rostov n/D: Izd-vo YuFU, 2014. S. 546.
2. Galkin Yu. Sbornik dokumentov o pogranichnom spore mezhdru Rossii i Ukrainoy v 1920–1925 gg. za Taganrogsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoy oblasti. M.: Scherbinskaya tipografiya, 2007. 60 s.
  3. Krinko E.F., Medvedev M.V. "...To Elect a Parity Commission": Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (9). Is. 3. P. 204–219.
  4. Krinko E.F., Medvedev M.V. "...To Elect a Parity Commission": Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 (Ending. Beginning in issue 3 (9), 2015, *Russkii Arkhiv*) // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (10). Is. 4. P. 288–295.
  5. Krinko E.F. Formirovanie rossiysko-ukrainskoy granitsy v Priazovye i Donbasse v 1920–1924 gg. // *Strategicheskoe planirovanie v polietnichnom makroregione v usloviyakh neravnomernogo razvitiya i rosta napryazhennosti: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Rostov-na-Donu, 3–4 oktyabrya 2013 g.) / otv. red. G.G. Matishov*. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2013. S. 44–48.
  6. Galkin Yu. Sbornik dokumentov o pogranichnom spore mezhdru Rossii i Ukrainoy v 1920–1925 gg. za Taganrogsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoy oblasti... S. 22.
  7. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. M.: Tipografiya M.P. Schepkina, 1885. S. XXVIII.
  8. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo. SPb.: Tip. Generalnogo shtaba, 1863. S. 230.
  9. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voyska. SPb.: Voennaya tipografiya, 1870. S. 51.
  10. Oblast voyska Donskogo po perepisi 1873 goda. Vyp. 1. Novocheerkassk: Oblastnaya Voyska Donskogo tipografiya, 1879. S. 420.
  11. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (dalee – RGVA). F. 330. Op. 61. D. 1937. L. 2–3.
  12. Pervaya vseobschaya perepis naseleniya, 1897 g. Oblast Voyska Donskogo. [B.m.]: Tip. kn. V.P. Mescherskogo, 1905. S. 78.
  13. Karasev A.A. Donskie krestyane // *Trudy Donskogo Voyskovogo statisticheskogo komiteta*. Vyp. I. Novocheerkassk: Tip. gazety "Donskoy vestnik", 1867. S. 69–121.
  14. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo...
  15. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim. Novocheerkassk: Donskaya eparkhialnaya tipografiya, 1917. 80 s.
  16. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava...
  17. Krasnov S.Yu. Nakazanie vinovnykh po obychnomu pravu donskikh kazakov vo vtoroy polovine XIX veka // *Kazachestvo: proshloe i nastoyashee*. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2000. S. 126–143.
  18. Revin I.A. Stanovlenie krestyanskogo sosloviya na Donu i v Priazovye: vtoraya polovina 18 v. – 1861 g. Rostov n/D: Izd-vo: SKNTs VSh, 2005. 188 s.
  19. Volvenko A.A. Zemskaya reforma v Oblasti voyska Donskogo (1864–1882) // *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*. 1998. № 1. S. 49–58.
  20. Volvenko A.A. Vosstanovlenie Donskogo zemstva: upuschennyye vozmozhnosti (1882–1917 gg.) // *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*. 2003. № 4. S. 51–59.
  21. Volvenko A.A. O prave na zachislenie v voyskovo kazachye soslovie (19 – nach. 20 v.) // *Rossiyskoe kazachestvo: istoriya, problemy vozrozhdeniya i perspektivy razvitiya: materialy vserossiyskoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnodar: Traditsiya, 2012. S. 138–140.
  22. Kornienko B.S. Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914). SPb.: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge, 2013. 232 s.
  23. O utverzhdenii v voyske Donskom novoy kazachey stanitsy na urochische krivoy Kosy na beregu Azovskogo morya. № 23 368, 4 iyulya 1849 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Sobranie II. T. XXIV. Otd. I. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1851. S. 368–369.
  24. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 73.
  25. Revin I.A. Stanovlenie krestyanskogo sosloviya na Donu i v Priazovye: vtoraya polovina 18 v. – 1861 g...
  26. Bogachev V. Ocherki geografii Vsevelikogo Voyska Donskogo. Novocheerkassk: Tipografiya upravleniya artillerii V.V.D., 1919. S. 497.
  27. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 72–74.
  28. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 73.
  29. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 25.
  30. Revin I.A. Krestyanstvo Dona i Priazovya v doreformennyy period: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Novocheerkassk, 2005. S. 15–21.
  31. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 77.
  32. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 193–194.

33. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 72–77.
34. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 193–194.
35. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 82.
36. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 32.
37. Revin I.A. Sotsialno-istoricheskiy status nekazachego naseleniya stanits voyska Donskogo (po materialam aktov donskikh tserkvey 1763–1868 godov) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2009. Vyp. 29. № 4. S. 18.
38. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti (dalee – GARO). F. 226. Op. 19. D. 691. L. 28–35.
39. Revin I.A. Sotsialno-istoricheskiy status nekazachego naseleniya stanits voyska Donskogo (po materialam aktov donskikh tserkvey 1763–1868 godov)... S. 17.
40. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 79.
41. Markov K.V. Krestyane na Donu // Sbornik Oblasti voyska Donskogo statisticheskogo komiteta. Vyp. 13. Novocherkassk: Voyskovaya tipografiya, 1915. S. 87–89.
42. Markov K.V. Krestyane na Donu...
43. Akty, odnosyaschiesya k Istorii Voyska Donskogo, sobrannye general-mayorom A.A. Lishinym. T. 3. Novocherkassk: tip. A.A. Karaseva, 1894. S. 219.
44. Akty, odnosyaschiesya k Istorii Voyska Donskogo, sobrannye general-mayorom A.A. Lishinym... S. 221.
45. Akty, odnosyaschiesya k Istorii Voyska Donskogo, sobrannye general-mayorom A.A. Lishinym...
46. Akty, odnosyaschiesya k Istorii Voyska Donskogo, sobrannye general-mayorom A.A. Lishinym... S. 222.
47. Revin I.A. Sotsialno-istoricheskiy status nekazachego naseleniya stanits voyska Donskogo (po materialam aktov donskikh tserkvey 1763–1868 godov)... S. 18.
48. Akty, odnosyaschiesya k Istorii Voyska Donskogo, sobrannye general-mayorom A.A. Lishinym... S. 223.
49. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 83.
50. Karasev A.A. Donskie krestyane...
51. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 84–85.
52. Peretyatko A.Yu. Iskusstvennoe sokhranenie slozhivshegosya ukлада donskogo kazachestva v 1860 gg.: problemy i dostizheniya // Nauchnaya mysl Kavkaza. 2014. № 3. S. 97–104.
53. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 83–89.
54. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 89.
55. Karasev A.A. Donskie krestyane...
56. Revin I.A. Krestyanstvo Dona i Priazovya v doreformenny period... S. 19–21.
57. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 88–89.
58. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voyska... S. 16–17, 77–80.
59. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 199.
60. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 228.
61. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 88.
62. Revin I.A. Krestyanstvo Dona i Priazovya v doreformenny period... S. 19–21.
63. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 230.
64. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 32–33.
65. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 216.
66. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 31.
67. Agafonov A.I. Donskaya dvoryanskaya geraldika // Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashee. Rostov n/D: YuNTs RAN, 2010. S. 83.
68. Savelyev E.P. Ocherki po istorii trgovli na Donu. Novocherkassk: Tip. V.I. Babenko, 1904. S. 36.
69. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 199.
70. Revin I.A. Krestyanstvo Dona i Priazovya v doreformenny period... S. 20–23.
71. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 85–88.
72. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 34.
73. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitelstvennoy politike epokhi “velikikh reform” (1860–1870-e gody) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 2014. T. 13. № 3. S. 14.
74. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 231–232.

75. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitelstvennoy politike epokhi "velikikh reform" (1860–1870-e gody)... S. 16.
76. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitelstvennoy politike epokhi "velikikh reform" (1860–1870-e gody)... S. 17.
77. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 85–86.
78. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 86.
79. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 103–104.
80. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 109.
81. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 113.
82. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 110.
83. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 86.
84. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voyska... S. 49.
85. Agafonov A.I. Donskaya dvoryanskaya geraldika... S. 84.
86. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava... S. XXVIII.
87. Peretyatko A.Yu. Voennaya organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti Voyska Donskogo vo vtoroy polovine 19 v. Rostov n/D: SKNTs VSh YuFU, 2014. S. 78.
88. Kozlov A.A., Kozlov A.I. Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakreposcheniya kazakov v 19 – nachale 20 veka // Kazachestvo: proshloe i nastoyashee. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2000. S. 115.
89. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava... S. XXVII–XXVIII.
90. Timoschenkov I.V. Uryupinskaya stanitsa i prilegayushchie k ney mestnosti // Trudy oblastnogo Voyska Donskogo statisticheskogo komiteta, vyp. 2. Novocherkassk: Tipografiya Oblasti Voyska Donskogo, 1874. S. 9, 35.
91. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava... S. XVIII.
92. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 44–45.
93. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava... S. XVIII.
94. GARO. F. 338. Op. 2. D. 677. L. 135–136.
95. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava... S. XVIII.
96. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava... S. XVIII.
97. Nomikosov S.F. Statisticheskoe opisanie Oblasti Voyska Donskogo. Novocherkassk: Izd. Obl. pravleniya OVD, 1884. S. 280.
98. Nomikosov S.F. Statisticheskoe opisanie Oblasti Voyska Donskogo... S. 280.
99. Kh.I. Mysli kazaka o kazachestve, po povodu sovremennykh slukhov // Donskie oblastnye vedomosti. 1863. № 20. S. 144–149.
100. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 9–10.
101. Peretyatko A.Yu. Formirovanie kazachey identichnosti vo vtoroy polovine 19 veka: rannyya stadiya natsionalnogo dvizheniya po skheme Miroslava Khrokha // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 10. Ch. 2. S. 122–125.
102. Volvenko A.A. O prave na zachislenie v voyskovoe kazachye soslovie (19 – nach. 20 v.)... S. 139.
103. Volvenko A.A. O prave na zachislenie v voyskovoe kazachye soslovie (19 – nach. 20 v.)... S. 139.
104. Volvenko A.A. Zemskaya reforma v Oblasti voyska Donskogo (1864–1882)... S. 49–58.
105. Volvenko A.A. Vosstanovlenie Donskogo zemstva: upuschnyye vozmozhnosti (1882–1917 gg.)... S. 51–59.
106. GARO. F. 55. Op. 1. D. 836. L. 1.
107. Volvenko A.A. Zemskaya reforma v Oblasti voyska Donskogo (1864–1882)... S. 50–57.
108. RGVIA. F. 330. Op. 1. D. 111.
109. Kozlov A.A., Kozlov A.I. Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakreposcheniya kazakov v 19 – nachale 20 veka... S. 116.
110. Kozlov A.A., Kozlov A.I. Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakreposcheniya kazakov v 19 – nachale 20 veka... S. 117.
111. Kozlov A.A., Kozlov A.I. Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakreposcheniya kazakov v 19 – nachale 20 veka... S. 117–118.
112. Peretyatko A.Yu. Formirovanie kazachey identichnosti vo vtoroy polovine 19 veka: rannyya stadiya natsionalnogo dvizheniya po skheme Miroslava Khrokha... S. 123–124.
113. Krasnov P.N. Kartiny bylogo Tikhogo Dona. SPb.: Tovarischestvo Golike i Vilborg, 1909. S. 478.
114. Pronshteyn A.P., Gavrilova V.E. Dokumenty po istorii Donskogo kazachestva (Obzor fonda Voyskovogo shtaba voyska Donskogo) // Arkhivy – obschestvennym naukam. Sbornik obzorov, vyp. 2. Rostov-na-Donu: [B.i.], 1981. S. 7.
115. RGVIA. F. 970. Op. 3. D. 507. L. 96–100.

116. Bogachev V. Ocherki geografii Vsevelikogo Voyska Donskogo... S. 338.
 117. Bogachev V. Ocherki geografii Vsevelikogo Voyska Donskogo... S. 338–339.
 118. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 216.
 119. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 48–49.
 120. Pervaya vseobschaya perepis naseleniya, 1897 g. Oblast Voyska Donskogo... S. 78.
 121. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 48–49.
 122. Pervaya vseobschaya perepis naseleniya, 1897 g. Oblast Voyska Donskogo... S. 48–49.
 123. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 216.
 124. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 48–49.
 125. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 58–59.
 126. Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)... S. 83.
 127. Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)... S. 85.
 128. Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma. (1909–1914)...
 129. A.G. Kazachiy natsionalizm // Golos kazachestva. 1912. № 35.
 130. Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma. (1909–1914)... S. 204–205.
 131. Kholmский S.A. Vybory v kazachestve // Golos kazachestva. 1912. № 47. S. 518.
 132. Galkin Yu. Sbornik dokumentov o pogranichnom spore mezhdru Rossiey i Ukrainoy v 1920–1925 gg. za Taganrogsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoy oblasti... S. 22.
 133. Krinko E.F. Formirovaniye rossiysko-ukrainskoy granitsy v Priazovye i Donbasse v 1920–1924 gg. S. 47.
 134. Galkin Yu. Sbornik dokumentov o pogranichnom spore mezhdru Rossiey i Ukrainoy v 1920–1925 gg. za Taganrogsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoy oblasti... S. 22.
 135. Galkin Yu. Sbornik dokumentov o pogranichnom spore mezhdru Rossiey i Ukrainoy v 1920–1925 gg. za Taganrogsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoy oblasti... S. 22.

УДК 93/94

**Русские и украинцы на территории Области Войска Донского в 1763–1917 гг.:
 предыстория раздела Донецкого и Таганрогского округов между РСФСР и УССР**

Артем Юрьевич Перетяtko

Дом детского творчества Железнодорожного района
 города Ростова-на-Дону, Российская Федерация
 344101, Ростов-на-Дону, улица Верещагина, 10
 Кандидат исторических наук
 E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена предыстории передачи части западных округов ОВД в 1920-е гг. в состав УССР. На основании анализа многочисленных свидетельств современников, а также литературы о крестьянской колонизации Дона автор делает вывод, что на этих территориях с XVIII в. преобладало малороссийское население. В то же время донские крестьяне-малороссы были в значительной степени ассимилированы, а сам термин «малоросс» стал означать не только этноним, но и сословную принадлежность к коренному крестьянству, в том числе и великорусскому. В статье анализируются и те аспекты русско-украинских отношений на Дону, которые носили общий характер, в частности, о причинах более позитивного отношения казаков к малороссам, чем к великороссам. Результатом исследования являются выводы о том, что для ОВД была характерна путаница этнических и сословных маркеров, о том, что обострение межэтнических отношений на Дону произошло только в 1870-е гг., и о том, что территория западных округов осваивалась в предшествующий период при тесной кооперации казаков и малороссов. В подобных условиях, по мнению автора, проведение исторически бесспорной границы между Россией и Украиной на бывшей территории ОВД в принципе невозможно.

Ключевые слова: Донецкий округ, казаки, казачий национализм, малороссы, межэтнические отношения, Миусский округ, Область Войска Донского, русские, Таганрогский округ.